

Вероника Тутенко

Ген саламандры

Вероника Тутенко

Ген саламандры

«Издательские решения»

Тутенко В.

Ген саламандры / В. Тутенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503081-8

Повесть «Ген саламандры» о бездетном профессоре-генетике, приютившем юношу-сироту, оказавшегося членом преступной группировки, отбиравшей у доверчивых людей их дома. Из-за «сыночка» пожилой человек попадает в больницу, переносит множество нападков со всех сторон и едва не лишается жизни, но все-таки его любовь и вера в человека сотворили чудо, и человечность в сердце его подопечного победила звериный инстинкт и гены.

ISBN 978-5-00-503081-8

© Тутенко В.
© Издательские решения

Ген саламандры

Вероника Тутенко

© Вероника Тутенко, 2019

ISBN 978-5-0050-3081-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Он проживал жизнь с самого начала... Так, говорят, всегда бывает перед смертью. Но теперь это не важно. Он с ней один на один, а ангел в небе почему-то пролетает мимо...

Жизнь, казалось, обещала так много, а теперь только щурится солнце, и время ведет стремительный обратный отчет к тому моменту, где ребенок бежит босиком по траве, врывается в дом с букетом одуванчиков:

– Мама!

– Не кричи, – мать сжимает руками виски.

Она устала. Она пришла с работы. Она учитель математики. Ей надо проверять контрольные.

Мальчик прячет за спину букет одуванчиков.

Мама зачеркивает красным чужие ошибки...

Портфель летит на крышу курятника.

– Учительский сынок! – кричит верзила из параллельного класса. – Иди пожалуйста мамаше!

Куры в страхе разбегаются в разные стороны.

... Мальчик вырос. На столе три белых розы.

– От кого? – спрашивает выросший мальчик мать.

Она сидит напротив. Они обедают. Суп из рыбных консервов – на первое. Котлеты с рисом – на второе. На третье – компот.

– Понимаешь, в моей жизни произошли перемены, – немного смущается женщина с красивым и строгим лицом. – Я всегда говорила с тобой на равных...

– Да, – отодвигает сын компот. – Мой папа никакой не летчик, и он не разбился. Ты нагуляла меня.

Пощечина, как звук аплодисментов.

Аплодисменты... Юноше вручают красный диплом.

Он спускается в зал. Он горд и немного печален, потому что матери нет в зале.

– Что-то случилось? – шепчет на ухо его вчерашняя однокурсница в желтом платье в черный горошек.

На днях они решили пожениться.

Призывной пункт. Голые спины новобранцев.

– То есть вы хотите сказать, что я не смогу служить в армии из-за какого-то плоскостопия? – недоуменно смотрит молодой человек в лицо врача, члена медкомиссии.

– Не какого-то плоскостопия, – поправляет тот очки, – а серьезного заболевания, опасность которого часто недооценивают. Да. Вы не сможете служить в армии, но из этого не следует, что вы не сможете служить Родине...

Крики «Горько». Горы «Оливье».

«... Напрасно девицу сгубили», – заводит песню за столом тетушка невесты.

«... Жених неказистый такой...», – подхватывают другие родственники.

Медовый месяц. Гагры. Море. Пальмы. Красота. Катер качает на волнах. Поцелуй соленый и страстный.

Полуулыбка жены. Шампанское. Новый год.

– Нет. Мне не наливай, – убирает в сторону бокал тонкая рука. – Кажется, у нас будет ребенок.

– Но... – теряется молодой мужчина. – Как мы будем втроем в комнате в общежитии? Ты представляешь?

Елочная игрушка со звоном разбивается о пол...

– На счастье! – смеется длинноногая девчонка.

Наклоняется собрать осколки бокала.

Короткая юбка. Упругие ягодицы.

Девчонка смеется и смотрит в глаза.

И снова Гагры. Аромат магнолий и закат у моря. Шашлыки. Вокзал и поезд. Тянутся вагоны и скрипят.

– Вы уволены! – строго произносит женщина с короткой элегантной стрижкой. – Надеюсь никогда вас больше не увидеть.

Хлопает дверь. Открывается новая. И еще. И еще. Много дверей и все открыты его Клану. За этими дверями – море, рестораны, казино...

У него в руках ключи от всех дверей. Но там, за этими дверями, никто о нем не вспомнит добрым словом.

Никто. Никто из тех, кто зажигает свет по вечерам в своих окнах. И среди этих мириад зажженных окон он остался один со смертельной раной...

Только ангел, застывший облаком у края горизонта...

1

Ремонт обычно предвещает перемены, а ремонт в медицинском вузе, возможно, и глобальные перемены в научном мире. Ради этого стоит поплутать немного по длинным белым коридорам, хотя люди, пережившие клиническую смерть, не слишком уютно чувствуют себя в подобных тоннелях, даже если это коридор общественного туалета в цирке.

К счастью, долго блуждать не пришлось.

Увидев заветное «кафедра генетики», девушка заранее растянула губы в улыбке, чтобы предстать перед будущим собеседником с ее следами на лице – тающая перевернутая радуга – и с первых же секунд расположить к себе.

– Здравствуйте. Журнал «Наука и медицина». Я вам звонила.

– Проходите, сударыня, – откликнулся на тающую радугу улыбкой завкафедрой профессор Вячеслав Вячеславович Никифоров.

Сканирующий взгляд из-под очков и красивое породистое лицо стареющего льва.

Поблизости стучали, вероятно, молотками, а дрель выдавала рулады как в допотопном кабинете стоматолога.

Профессор заткнул даже уши, кивнул на стул, мол, садитесь.

– Совершенно невозможно разговаривать в такой обстановке, и так, представьте, целый день... Но я выбрал для вас отрывки из доклада, который читал на той пресс-конференции. Я так сразу и понял, что вы недавно работаете в прессе. Я знаю всех журналистов этого города.

Я-калка – профессор оказался прав, и юной особе не оставалось ничего, кроме как признаться:

– Первое задание.

– Значит, практикантка. И сразу такое серьезное... Если справитесь, далеко пойдете... – пообещал профессор и протянул шпаргалку.

– Но здесь же в основном о близнецах... – растерялась девушка. – А семинар вроде бы посвящался лечению сахарного диабета.

– Здесь о близнецовом методе, – поправил профессор. – Пока еще мое исследование не закончено. Я впервые обнародовал первые результаты. Но уже сейчас можно точно сказать, что близнецовый метод может помочь в профилактике и лечении многих заболеваний, в том числе и сахарного диабета.

Девушка по-прежнему не видела ровным счетом никакой связи между близнецами и конференцией по сахарному диабету и подумала, что, вероятно, комично смотрится со стороны: натуральная хорошенькая блондинка и седовласый профессор-генетик в очках.

Возможно, о том же подумал и он и именно поэтому снисходительно так улыбнулся.

– Скажите, у вас есть сестра-близнец?

– Нет, но у меня есть младшая сестра.

Последнее обстоятельство, по всей видимости, мало интересовало профессора, поскольку он продолжал теоретизировать:

– А если бы у вас была сестра-близнец... Причем, речь только об однойцевых близнецах, – уточнил профессор, – то есть один и тот же код ДНК, но по каким-то причинам вы выросли в разных условиях, в разном климате, имели разный режим и рацион... И вот через двадцать лет у одной, пожалуйста, язва желудка, а у другой ее нет. А все почему?

– Потому что условия жизни были разными...

– То-то и оно. А наследственная предрасположенность, между тем, есть и у одной, и у другой. То же самое и с сахарным диабетом... Генетический фактор является определяющим в возникновении таких наследственных заболеваний как сердечно-сосудистые патологии, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз... Что именно является спусковым курком – на этот вопрос и дает ответ гемеллология – наука о близнецах. Посмотрите... – достал из ящика стола и распахнул наугад альбом с двумя светловолосыми мальчуганами лет четырех. – Генотипы у них одинаковые... На первый взгляд родная мать не отличит... Или вот... У меня таких фотографий не одна сотня...

– Фантастика, – обрадовалась журналистка. – Об этом было бы очень интересно написать...

– Нет, нет, – замахал руками профессор. – Рано еще... Исследование еще не окончено... Поговорим об этом через пару лет.

Девушка обреченно вздохнула. «Пара лет» показалась ей синонимом слова «вечность».

– А правда, что близнецы чувствуют друг друга на расстоянии? – любопытство оказалось сильнее разочарования.

Профессор снисходительно улыбнулся:

– Монозиготные близнецы, действительно, синхронно воспринимают мир, так как в отличие от дизиготных близнецов или двойняшек (тройняшек и т.д.) являются носителями одинакового генотипа, но то, что они якобы и умирают в один день не более, чем научная фантастика.

– Не думала, что близнецами занимаются генетики... – девушка поняла, что сказала какую-то глупость, которая в глазах ученого выглядела не просто глупостью, а полной нелепостью, чушью.

– А чем вы думали, милая, занимаются генетики? – расхохотался профессор.

– У меня вообще генетика ассоциируется с клонированием органов и даже человека, – девушка поняла, что только что выдала очередную порцию глупости, но тем не менее ей было интересно, что скажет на это профессор.

Он же ответил вполне серьезно, но со следами ехидной радуги, спрятавшейся в уголках губ:

– Вы путаете генетику и генную инженерию. Это смежные науки, но не одно и то же... Хотя мы тоже принимали участие в исследованиях, связанных с клонированием, – когда Никифоров говорил о науке, в его взгляде появлялся лихорадочный блеск, по которому легко угадать влюбленного или фанатика. – Если хотите, можем взять ваш генетический материал, чтобы иметь возможность дублировать какой-то орган... на случай его утраты.

Девушка не могла понять, шутит профессор или говорит всерьез, но отчего-то ей стало вдруг неуютно, и она поспешила отказаться:

– Нет, спасибо...

Профессор пожал плечами и не стал настаивать.

– Теоретически человеческая особь и сама способна к потрясающей регенерации, и этому есть примеры, взять хотя бы тот случай с мальчиком, отец которого изучал саламандр... Ведь что такое бессмертие если не способность к бесконечной регенерации? А саламандры ей владеют. Отсеките ей хвост – и вырастет новый. Она способна снова и снова воссоздавать свое тело, быть той же самой саламандрой, но уже в новом теле...

Отступление о саламандрах прервала новая атака дрели. Строительная бригада после небольшого перерыва снова взялась за дело.

– У нас здесь вы услышите много интересного, – не совсем безуспешно пытался заглушить звуки ремонта профессор. – Забыл, как зовут прекрасную юную леди...

Никифоров поднялся проводить гостью до двери. Он казался стройнее и выше, чем был на самом деле благодаря манере держаться непринужденно и с достоинством, как бы ненавязчиво повествуя миру о собственной значимости.

– Инна. Инна Ветрова.

2

Статья профессору понравилась («Удивительно, как вы смогли сделать из этого интервью»), а Инна, воодушевленная первой, пусть совсем небольшой, но все-таки удачей, позволила ректору и попросила помочь найти новых героев для рубрики.

– Сейчас лето, в институте трудно кого-то поймать, но приезжайте, что-нибудь придумаем.

И снова тоннель с осыпающейся известкой, который, впрочем, и на этот раз закончился нужной дверью довольно быстро.

– Только что говорил с коллегой с кафедры психиатрии, – без предисловий начал красиво поседевший молодой еще мужчина. – Вас интересуют проблемы депрессии?

– Это актуально, наша жизнь полна стрессов, – глубокомысленно вздохнула двадцатилетняя девушка, вызвав тем самым снисходительную улыбку ученого, набравшего номер коллеги.

Заведующий кафедрой клинической психиатрии Андрей Алексеевич Элифанов дать интервью согласился, но с оговоркой:

– Конечно, с удовольствием расскажу все, что знаю, но, если можно, через месяц. Я завтра уезжаю ...

Доверчиво-скорбное лицо Элифанова делало его похожим на обиженного ребенка, заключенного в мощное, слегка наклонившееся уже к земле тело немолодого мужчины.

– Хорошо, – вздохнула девушка.

В конце-концов через месяц тоже нужно будет искать героев, а в этот номер уже есть профессор-генетик...

3

В начале июля оказалось, что июнь Элифанов провел в санатории.

Ремонт в институте продолжался и через месяц, и встретиться договорились у профессора.

К его дому в пригороде вела широкая новая дорога, здания по обе ее стороны еще не утратили лоск, с которым контрастировал нищий на обочине тротуара.

– Всегда сидит на этом месте, даже в дождь... – в наблюдательности редакционный водитель Игорь Владимирович превосходит многих журналистов. Инна и сама не раз видела белобородого мужчину с такими же длинными утратившими природный цвет волосами, сидящего у агентства недвижимости и находящейся в том же здании турфирмы «Лазурный берег».

Нищий был похож на художника, а может быть, старца или ангела, принявшего за чем-то человеческий облик, но чем-то все равно неуловимо отличающегося от людей.

У него не было каких-то видимых увечий. Он выглядел даже физически сильным и, кажется, его седина и морщины свидетельствовали, скорее, об опыте, чем о количестве прожитых лет. Такие колоритные фигуры попадают обычно прямым ходом в долгосрочную память.

Но просил ли похожий на художника нищий подавание в дождь, девушка вспомнить не могла...

С профессором Элифановым разговаривали на террасе его просторного дома за чаем с огромным тортом.

– Спросил в магазине самый лучший, – разложил на блюда гостям огромные куски хозяин. Такие большие руки пристали, скорее, крестьянину, чем врачу.

По тому, как были нарезаны сыр и колбаса, можно было предположить, что в хлебосольном доме нет хозяйки.

Поговорить профессор, явно, любил. Ответы на вопросы перемежал с историями из жизни, не всегда имеющими отношение к психиатрии.

– Девушке вино даже не буду предлагать, потому что алкогольная, как и любая другая зависимость, – штука страшная, а женщины, как показывает практика, к зависимостям склонны гораздо больше, чем мы, мужчины. Но это тема для отдельного интервью.

– А никотин тоже расшатывает нервную систему?

– Безусловно. Хотя сами курильщики, конечно же, скажут, что курение успокаивает, но это, как, впрочем, и любая другая зависимость, все равно, что сидеть на муравейнике и время от времени вставать. В такие минуты чувствуешь, конечно, облегчение. Но зачем вообще садиться на муравейник?

– Незачем, – согласилась гостья.

– Вот потому-то, милая барышня, я и не курю.

– К депрессиям, я слышала, тоже больше склонны женщины? – включила журналистка диктофон.

– Здесь, милая девушка, не все так однозначно. Женщины легче впадают в это состояние, но у мужчин оно нередко протекает тяжелее.

– А вообще мужчины или женщины чаще становятся пациентами психиатра?

– К сожалению, мы живем в такое время, когда пациентом психиатра может стать практически каждый, будь то мужчина или женщина, старик или ребенок. Число психических заболеваний не уменьшается, а наоборот, появляются новые, такие как аутизм, молодеют такие состояния как деменции, раньше считавшиеся преимущественно возрастной болезнью.

– Стрессы во всем виноваты?

– Не только. Сами по себе стрессы это не хорошо и не плохо. Полное отсутствие стрессов, если бы возможно было создать такие стерильные условия, психологический вакуум, также вредны для психического здоровья человека, если не больше, как и их переизбыток, потому что стресс поверяет на прочность наш организм, закаляет его. Представьте только, если бы в нашей жизни совсем не было стрессов. Это как пицца без соли и перца. Стрессы – тот перец, который добавляет нашей жизни вкус и остроту, учит преодолевать препятствия.

– «Нет препятствий – нет жизни», – так говорит один мой знакомый альпинист, директор турфирмы. Вы, наверное, экстрим любите? – решил проверить себя на сообразительность водитель. Игорь Владимирович – энергичный коренастый молодой работающий пенсионер – по праву считал себя знатоком и слегка уже пресытившимся гурманом жизни.

– Я – нет, – как-то вдруг сник даже Андрей Алексеевич. – В моей жизни как-то вообще все было размеренно. Вся моя жизнь – наука. Я за всю свою жизнь, только представьте, нигде не отдыхал, хоть у меня и брат живет у моря. Звал к себя «приезжай», но все никак не получалось: то институт, то теперь вот еще сердце барахлить стало. Недавно, правда, выбрался в санаторий... Нет, я отдыхал в санатории и раньше... Один раз. Там познакомился с женой. Двадцать лет назад развелись. Очень красивое место – столько берез вокруг, по вечерам танцы. Оказывается, я еще не такой старый, со мной еще дамы хотят познакомиться. А еще я нашел в санатории друга – толковый мальчишка семнадцати лет. Неглупый малый, но с первыми признаками этой самой депрессии, о которой мы с вами сейчас говорим. Видно, что происходящее вокруг мало интересует его, а там уже и до суицидальных мыслей рукой подать. Но я как психиатр сразу вижу, что к чему, нашел подход к парню, сумел его разговорить. Вроде отошел немного, обещал в гости приехать.

– А почему вообще связали свою жизнь с психиатрией? – снова взяла начинающая журналистка беседу в свои руки.

– Как я могу ответить на этот вопрос? – развел руками Элифанов. – Почему одни любят Шуберта, а другие Шопена? Психиатрия для меня как музыка. Музыка человеческой души. Все люди разные, но музыка одна – прекрасная Божественная симфония. А психиатр – это, если хотите, настройщик человеческих душ. Только работать нам приходится с более грубыми инструментами, чем камертон. Инъекции... Сколько я их сделал, когда работал медбратом... К каждому здесь свой подход нужен, у каждого свои особенности... Помню, был у нас один пациент – настоящий Отелло, так изводил себя ревностью, что больше думать ни о чем не мог. Сам решил обратиться к психиатру. Была, помню, женщина лет сорока, очень тяжело переживала развод, от еды отказывалась, приходилось через капельницу вводить ей питательные вещества... Не знаю, почему сейчас именно их вспомнил... Столько пациентов было... Не все, конечно, разрешали делать инъекции. Приходилось частенько на хитрости идти. Говоришь «я делать не буду, только смажу синяк от прошлого укола» и быстро делаешь инъекцию, а больной потом удивляется: «Уже все?» Да уж... – вздохнул профессор. – И захочешь уснуть – не уснешь. Работал я по ночам. А днем учился в вузе. Трудно было, но ничего – окончил с красным дипломом.

– Родители, наверное, гордились вами?

– Мама, конечно, гордилась мной. Сама она мечтала выучиться на врача – не получилось, но в медицине была уважаемым человеком, возглавляла райком Красного Креста, когда еще совсем девчонкой была. По тем временам, знаете ли, шишка... Папа... Папа тоже гордился, наверное, но скрывал. Вообще он больше гордился старшим братом, успешным спортсменом.

Потом брат налаживал связи с Абхазией, да там и остался. Говорит, Гагры – лучшее место на земле. У каждого оно свое, лучшее место на земле. А я люблю наши березки – лучше них для меня ничего в целом свете нет. «Березки, как девчонки, сарафаны белые, в ветвях сережки звонкие»... Мой друг-поэт написал. Вы, кстати, любите поэзию? Сейчас подарю вам по книге. Мой друг специально оставил мне несколько экземпляров, чтобы я подарил ценителям поэзии.

– Хотите анекдот про психбольницу? – вспомнил вдруг смешное водителю. – Заходит врач в палату: «Наполеоны – на уколы». Все сдвинулись с места, только один не шелохнется. «А ты что сидишь?» – спрашивает врач. «А тортам уколы не делают», – отвечает больной.

Психиатр не засмеялся – только чуть растянул губы в грустной улыбке:

– Наполеоны сейчас в больницах – экзотика. Хотя бывает и так, что человека не устраивает реальный мир, а отсюда желание спрятаться в другом, более совершенном. Сегодня все больше пациентов с деперсонизацией, считающих, что обладают сверхразумом, сверхспособностями, сверхсилой... А кто такой Наполеон? Хоть и могущественный, но просто человек... Чувство превосходства выбивает у человека почву из-под ног, он теряет связь со своим истинным я, с реальностью, безумие все больше и больше затягивает человека, как зыбучие пески, и он уже не может сопротивляться.

– А всегда ли хочет? – стал задумчивым взгляд девушки. – Покидать мир, где все в его власти, менять его на предсказуемый, где полно проблем?

– Всегда... – заверил профессор. – Приезжайте, я вам еще много интересного расскажу. Да и просто будете проезжать мимо, заходите на чай, – проводил до ворот хозяин. – Приезжайте в другой раз не за рулем, – обратился к водителю. – Выпьем винца.

4

... Ночной звонок, врывающийся в сон. Мало кто рад ему, если только на экране не высвечивается номер пропавшего без вести близкого человека.

Номер был девушке незнаком.

– Извините, пожалуйста, за поздний звонок, – робко зазвучал женский голос. – Вас беспокоит жена Андрея Алексеевича Элифанова, меня зовут Анастасия Сергеевна. Я нашла ваш номер в его записной книжке, там в скобках указано «журналист». Вы ведь журналист? Да?

– Да, – взбодрилась девушка. – Что-то случилось?

– Случилось, – не то вздохнула, не то всхлипнула женщина. – Точнее, пока не случилось.

Но может случиться... если ничего не предпринять... Мы в полной растерянности...

– Его семья? – уточнила Инна. – Мне показалось почему-то, что он совершенно одинок.

– Как же, одинок?.. – растерялась звонившая. – У него еще и сестра, и брат, и дочь есть.

Но ей сейчас не до нас, у нее с мужем проблемы... серьезные... лучше ее не трогать.

– Так что же случилось? – повторила девушка.

– Все... – женщина набрала в легкие побольше воздуха, как будто собиралась нырнуть на большую глубину. – Все началось с его Дня рождения...

– Папа, – торжественно объявила София, когда погасли все свечи на торте, – мы с мамой долго думали, что тебе подарить, и решили купить тебе путевку в санаторий. Тебе давно пора отдохнуть от студентов, от науки, от коллег, поправить здоровье.

– Намекаете, что пришла пора писать мемуары? – грустно усмехнулся Андрей Алексеевич.

– Да нет же, – рассмеялась София. – Тебе просто нужно собраться для нового рывка, и ты еще покажешь им всем...

София замолчала, потому что и сама не представляла, кто такие «они все»: у отца никогда не было ни ярых завистников, ни врагов, ни даже банальных недоброжелателей – настолько мирным, доброжелательным человеком он был всегда.

– Конечно, покажу, – неожиданно согласился Андрей Алексеевич, – но только я совсем не устал. Не отдыхал я сто лет в санатории и, думаю, не много потерял. Что за занятие – ходить туда-сюда по аллеям. Ванны-массажи – скуотища!

– Не обижай дочь! – нахмурилась Анастасия Сергеевна. – Она так хотела сделать тебе приятное...

Женщина помолчала в трубку несколько секунд.

– Если бы мы только могли заранее знать, что он встретит в санатории этого... оборотня!

Андрей Анатольевич сначала почувствовал взгляд-прицел между лопаток и только потом, обернувшись, увидел, что за ним наблюдают.

Обладатель взгляда-выстрела оказался не просто ничем не примечательным, а совсем ничем непримечательным человеком, даже как-то подчеркнуто обыкновенным.

Раз взглянешь, и сразу теряешь интерес.

Андрей Алексеевич хотел отвернуться («обмануло предчувствие»), но незнакомец остановил его взглядом и неожиданно дружелюбной улыбкой:

– Закурить не найдется?

– Не курю, – буркнул Андрей Алексеевич.

– И правильно. Я вот тоже в который раз пытаюсь бросить, и все никак. Бросаю и начинаю. Бросаю и начинаю. Кишка тонка, – мужчина развел руками.

– Это еще Марк Твен подметил, – погрозил пальцем Андрей Алексеевич. – Бросить курить легко. Я сам бросал раз сто...

Незнакомец засмеялся. Смех оказался скрипучим, похожим на всхлипы – как дверь, сорвавшаяся с петель на ветру.

Андрею Алексеевичу стало неуютно, он даже повел плечами, как от холода.

– Иди к нам, что один все время, как волк-одиночка? – махнул курильщик невысокому смуглому пареньку с коротким ершиком черных волос, мрачновато стоявшему в отдалении у каштана.

Тот послушно подошел.

– Есть закурить?

Паренек молча протянул ему пачку сигарет.

Мужчина взял ее всю и, снова со скрипом засмеявшись, отошел в сторону.

Паренек переминался с ноги на ногу, словно решая, остаться ему стоять рядом с некурящим незнакомцем или вернуться обратно к каштану.

– Как тебя зовут? – спросил профессор.

– Волчонок...

– Я спросил не кличку, а имя, – поморщился профессор. – Мы все-таки не собаки, а люди...

– Я не собака, я Волчонок, – с каким-то простодушным упрямством повторил парень. – Волк-одиночка. Но до волка я еще не дорос. А значит Волчонок.

– Вы только посмотрите на него, – развеселился профессор. – Не дорос он до волка.

– А вы умеете играть в теннис? – спросил неожиданно паренек.

– Нет. Как-то не приходилось.

– Хотите, научу? У нас в интернате были два корта...

– Пожалуй. Не знаю, получится ли, – засомневался профессор.

– Получится! – весело махнул рукой Волчонок. – Но, может, не сразу. У меня тоже сначала не получалось.

– Значит, ты интернатский? – послушно направился профессор за новым другом.

– Сирота, – помрачнел Волчонок. – Родители умерли давно, только бабушка осталась...

– И все-таки как тебя зовут?

– Руслан...

Звонившая снова помолчала немного, чтобы девушка осмыслила услышанное.

– Вы даже не представляете, КАК он умеет втереться в доверие... Через какую-нибудь неделю-две они с моим Андреем стали закадычными друзьями. Этот... Волчонок научил его играть в теннис, они вместе ходили в столовую и перед тем, как вернуться домой, Андрей дал этому... Волчонку... телефон...

Руслан позвонил через несколько дней.

– У меня такое дело, – смущаясь, начал он. – Я хотел, чтобы ты пошел со мной на вручение диплома... Понимаешь... Все будут с родными, друзьями, девушками, а у меня нет никого – только ты и бабушка, но она старенькая совсем, то одно, то другое болит у нее, почти не встает с постели. Придешь?

– Конечно, приду, – ответил профессор.

В актовом зале техникума, украшенном шарами и цветами по случаю торжества, Руслан постоянно оглядывался на бывших однокурсников и тут же переводил взгляд на профессора. При этом у парня был такой простодушно-горделивый вид, что Андрей Алексеевич невольно улыбнулся.

– Пусть думают, что ты мой отец, – шепнул ему Руслан.

Когда праздничная толпа высыпала в прозрачные летние сумерки, Волчонок вдруг помрачнел и как-то сник, и Андрей Алексеевич понял, что паренек думает об отце.

– Я не помню своего отца, – подтвердил догадку профессора Руслан, – но мне почему-то кажется, что он был похож на тебя – умный, добрый... Я так его себе представляю. И маму я тоже совсем не помню... Волчонок сжался, как ссохшийся осенью лист, и тут же снова расправил худенькие плечи. – Ладно, пока. Спасибо, что пришел.

Профессор привык к тому, что настроение его юного друга часто меняется и не придавал этому особого значения, но сейчас обреченность в голосе Руслана насторожила Андрея Алексеевича.

– Может, пойдем отметим куда-нибудь новый этап жизни, так сказать? Как смотрите на это, молодой человек?

– Хорошо, – угрюмо ответил Руслан. – Пойдем в «Кабарэ». Мы там всегда с ребятами сидим.

– Ты же говорил, у тебя нет друзей, – уличил профессор.

– Может, и говорил, – снова развеселился Руслан. – Мне просто очень хотелось, чтобы все мои однокурсники подумали, что ты – мой отец.

...В «Кабарэ», довольно претенциозном баре, увешенном фотографиями танцовщиц в перьях, Руслан увидел за столиком каких-то своих друзей, но подходить к ним не стал... Только помахал рукой и отвернулся.

– Им восемнадцать хоть есть? – покосился Андрей Алексеевич на кружки с пивом, висевшие на столике приятелей Руслана.

– Ты же сам пьешь пиво! – громко обличил Руслан. (Действительно, перед профессором пена выходила из берегов кружки). – А меня заставляешь пить эту гадость, хотя мне через одиннадцать дней уже исполнится восемнадцать, – гневно сверкнул глазами на виноградный сок.

– Через одиннадцать дней и посмотрим. И ни днем раньше.

– Хорошо, – залпом осушил Руслан стакан и хитро посмотрел на профессора. – Через одиннадцать дней выпьем на брудершафт. Обещаешь?

– Обещаю, – расхохотался профессор.

Голос звонившей становился все более и более возмущенным.

– И знаете, что было дальше?

– Они пили пиво на брудершафт на Дне рождения Руслана?

– Пиво они пили потом... А за несколько дней до того этот его новый дружок позвонил сказать, что у него умерла бабушка, а заодно попросил денег взаймы.

А уже потом были День рождения и пиво на брудершафт, – гневно продолжала женщина, – после чего этот гаденыш исчез, а через неделю сказал, что в тот день они с другом просто шутили с девчонками, а теперь одна из них обвиняет этого Руслана в изнасиловании. А он, хоть и был пьян (а напоил его, значит, получается, мой Андрей), но точно помнит, что ничего такого не было. Но девица будто бы та еще, требует денег и немалых за то, чтобы не подавать в суд за изнасилование, которого не было.

– Подождите... подождите... Невозможно просто так взять и обвинить человека в изнасиловании. Проводится медицинская экспертиза. И если не обнаружится спермы этого парня, то он уже может подать на эту девушку за клевету. Как может Андрей Алексеевич об этом не знать?

– В том-то и дело! – вскричала Анастасия Сергеевна. – Этот Руслан как будто зазомбировавал Андрея Алексеевича. Это оборотень какой-то! Хамелеон. Потом он сказал, что ему срочно нужны деньги, чтобы замять это дело. А потом снова пришел за деньгами. Сказал, что нужны еще деньги, чтобы уехать в другой город, устроиться на новом месте, но никуда, конечно, не уехал. А пришел

пришел после того избиения к Андрею Алексеевичу и сказал: «Я буду жить у тебя»...

– После какого избиения?

– Это уже другая история, – вздохнула женщина. – У вас есть время?

5

Женщин Тюпиков боялся, а из спиртного уважал только пиво, и то – с проверенными друзьями, такими как Андрей Алексеевич, и если есть достойный повод.

Повод имелся. Едва ли можно найти лучше для поэта, чем выход новой книги стихов, которые, правда, мало кто понимал и редко кто изъявлял желание добровольно слушать. Кроме Андрея Алексеевича.

– Не люблю я все эти презентации, – рассуждал Тюпиков в пабе. – Шум, гам, орава графоманов... Плохие стихи, как плохие цветы, сорняки, вытесняют с поля живое слово. Я бы их безжалостно выпалывал. Хотя если взять во внимание, что василек тоже сорняк...

– Я тоже люблю васильки... – согласился с другом Андрей Алексеевич.

– У меня и стихотворение есть, – обрадовался Тюпиков. – Во ржи синеют васильки, как будто небу шлют привет. Они от солнца далеки. Но и от них исходит свет. Я этой синью, друг мой, пьян. Она пьянее, чем вино. Брожу во ржи я, хулиган. И синь со мною заодно.

– На Есенина уж очень похоже, – ответил Андрей Алексеевич на молчаливое «ну как?», и, заметив четче обозначившиеся бороздки на переносице друга, торопливо добавил:

– Люблю Есенина, душевные стихи. Прочитаешь, как с другом поговоришь...

– Чем же они, интересно, похожи?

– Я не силен в поэзии, но когда слышу стихи со словами «синь» и «хулиган», сразу Есенина вспоминаю. «Не видать конца и края – Только синь сосет глаза», «Плюйся, ветер, охапками листьев. Я такой же, как ты, хулиган», – продекламировал, подчеркнуто жестикулируя, профессор.

– Что же теперь, скажешь, никому, кроме Есенина, не употреблять в стихах эти слова?

– Я не силен в поэзии, – повторил Андрей Алексеевич.

Друга обижать он совершенно не хотел, но понял, что чем-то задел невзначай.

– Вот и наши, в Союзе писателей, – открылась причина, – говорят, мол, подражаешь Есенину, сколько они с Бродским поэтов перепортили... Но ведь, если так разобраться, и Есенин – продолжатель традиций Клюева. Почему же не может быть продолжателей традиций Есенина и Бродского?

– Могут, конечно, – сделал глоток пенистого Андрей Алексеевич. – Но пусть лучше будут продолжатели традиций Тюпикова. Давай и выпьем за это!

Тюпиков гневно уставился на друга:

– Почему-то каждый думает, что разбирается в поэзии и может указывать поэту, о чем и как писать.

– Толь, не кипятись...

Без толку.

Тюпиков пьяно сверкал глазами.

Выпив даже стакан пива, поэт становился совершенно невменяемым.

– Ты хоть знаешь, что по статистике только один процент людей на земле знают толк в поэзии? Только вдумайся! Один процент!

Андрей Анатольевич вздохнул. Он совершенно не претендовал входить в один процент тонких ценителей изящного, ему вполне хватало психиатрии.

– Зачем тогда ты вообще спрашиваешь мое мнение о поэзии?

– Зачем? – развел руками Тюпиков. – В самом деле, зачем? – и, ударив наполовину пустым стаканом по столу, покачиваясь, выпрямился во весь рост. – Между подражательством и традициями большая, можно сказать, огроомная, – поднял руку ладонью вверх Тюпиков, как вождь коммунизма, зовущий народ к светлому будущему, – разница!

И, покачиваясь, направился к выходу.

Андрей Алексеевич не стал его удерживать. Посидел еще немного, допил свою наполовину полную кружку.

– Удивительно, – с глубокомысленным видом обратился к женщине за барной стойкой, – как глубоко порой какая-нибудь мелочь может ранить человека. Психика – тонкая вещь, даже опытный психиатр не всегда разберется...

Женщина неопределенно помотала головой и закатила глаза.

Андрей Анатольевич вышел на улицу. Тюпикова уже простыл и след. Только редкие прохожие... Жара... Даже вечером хочется искать спасения от нее где-то на берегу водоема или в прохладной ванной дома.

Профессор направился в сторону остановки.

– Эй! – услышал он сзади и почти в ту же секунду погрузился в звенящую темноту...

6

– ... Как вы считаете... это не абсурд? – взволнованно продолжала Анастасия Сергеевна. – Только представьте: в показаниях Андрея Алексеевича говорится: «шел по улице в нетрезвом виде, столкнулся лоб в лоб с незнакомым человеком, дальше ничего не помню». А человек весь избитый. Не абсурд?

– Абсурд. Но это его показания. Почему он так сказал?

– В том-то и дело...

– А сколько лет нападавшим, не знаете?

– Лет по семнадцать...

– Вам не кажется это странным? И почему вдруг куда-то исчез его друг-поэт?

– Странно?... Я почти полностью уверена, что Руслан был среди них. Андрей Александрович как-то даже сам проболтался, но сразу же сказал, что я его не так поняла. Точно также он изворачивался, и когда этот Руслан пришел к нему и сказал: «Я буду жить у тебя». Мы с

Андреем давно уже живем порознь, но между нами по-прежнему сохранились теплые, дружеские отношения.

– То есть как так «буду жить у тебя?» – удивилась девушка. – Его кто-нибудь приглашал?

– Мы совсем запутались, и Андрей Алексеевич запутался. То говорит: «Да, я ему сказал, оставайся у меня». То «нет, как-то само собой получилось»...

... Андрей Алексеевич открыл глаза и увидел лицо Руслана.

– Наконец-то, – облегченно выдохнул Волчонок. – Мне Татьяна Львовна позвонила. Сказала, что тебя избили, и я сразу приехал.

– Какая Львовна? – не сразу понял Андрей Алексеевич.

– Медсестра из санатория.

– А она откуда узнала?

– Ей кто-то сказал. Она знает этих ребят... Лежи... не вставай, – раскомандовался гость и принялся искать в шкафу полотенце. Намочил его в холодной воде и приложил на лоб другу.

Поставил на кухне чайник.

– Надо вызвать полицию! – спохватился Руслан и через пару секунд уже кричал в трубку. – Приезжайте! Здесь человека избили!..

Андрей Алексеевич хотел спросить, откуда та медсестра, Анна Львовна, может знать тех уличных хулиганов, но все вдруг отошло на задний план.

«Откройте, полиция», – стучали в дверь.

– Инна... простите, не знаю, как ваше отчество. Судя по голосу, вы совсем молоденькая. Вы уж простите, что я просто по имени...

– Ничего, ничего... Называйте по имени... И что же Татьяна Львовна?

– Какая Львовна? Ах да, медсестра! Да, я ей звонила, но она, знаете, что мне ответила? «У нас здесь столько пациентов, как всех запомнить? Не помню я никакого Руслана».

– Так что же, получается, этот Руслан и вызвал полицию? Как-то нелогично...

– Нелогично, да, – согласилась Анастасия Сергеевна, но дело в том, что интернат, где воспитывался этот мальчик, коррекционный.

– Завтра я съезжу туда и попытаюсь что-то узнать об этом Руслане, – пообещала девушка.

7

Коррекционный интернат произвел на начинающую журналистку совсем не то впечатление, какое она ожидала.

Уже само слово «интернат» ассоциировалось у девушки с чем-то казенно-неуютным. Теперь же стереотип рушился на глазах.

Снаружи здание представляло что-то среднее между школой и детским садом – только очень уж большое и замысловатое за счет многочисленных пристроек.

Качели во дворе, забытая игрушка на скамейке – какой-то анимационный головоног.

Директор, мужчина с широкими плечами и веселым взглядом, встретил гостью доброй улыбкой под густыми седыми усами.

Несколько ребят лет четырнадцати, стоявшие у входа, с любопытством рассматривали посетительницу.

– Сейчас мы с Мишей, – кивнул одному из группы, – покажем вам наше учреждение. Пойдемте сначала к дошколятам?

– Да, конечно... Скажите, – осторожно начала девушка, – у вас учился мальчик... Руслан...

– Руслан? – испуганно захлопал глазами Миша и даже втянул голову в плечи, точно приготовившись к удару.

Директор нахмурился.

– Был у нас такой мальчик... Намучились мы с ним. Когда я пришел сюда работать, вас еще и на свете не было, и за все двадцать лет, что я здесь, это единственный случай, когда мне не удалось найти подход к ребенку. Он... как волчонок. Здесь все вместе, и болезнь, и гены...

– Гены?

– Да... Мать пила, а отец отсидел за мошенничество. Ну да о покойниках не говорят плохо...

В дошкольном отделении директор только и успевал, как фокусник, доставать конфеты из карманов, и когда они опустели, повел гостью дальше, по коридору, по обе стороны разрисованного студентами худграфа.

– Значит, у него никого нет?

– Почему никого? У него где-то на Ильича есть бабушка. Она даже как-то брала его на каникулы к себе, но через две недели вернула обратно в интернат и больше никогда сюда не приезжала... Здравствуйте, Мария Петровна, – кивнул медленно шедшей навстречу пожилой женщине в белом халате.

– Здравствуйте, Евгений Петрович, – остановилась она, услышав обрывки разговора. Покачала головой. – Что, опять Себякин что-то натворил?

Директор вздохнул и покачал головой.

– Молчи, тетя Маш...

– А что молчать, если всем известно, чистый гаденыш, колония по нему плачет. А хитрый, ой, хитрый, и не скажешь, что дурачок.

– Я попрошу Вас, Мария Петровна, в нашем учреждении подобных слов не произносить, – стал строгим голос директора. – И вообще нигде не советую, потому что нет такого слова «дурачок», а есть медицинское слово «диагноз», и диагноз в данном случае «олигофрения, степень дебильности».

– Дебиллом-то его никак не назовешь, хоть и диагноз, – продолжала в том же духе женщина с добрыми морщинками. – И владеет он чем-то таким... гипнозом что ли, умеет другим свою волю внушать...

– Тетя Маша, я вас умоляю, – скривился директор. – Что вы такое говорите! Да еще и при людях. Да вы не слушайте ее, она вам такого наговорит...

– Ой, хитрый... – повторила тетя Маша. – Чистый оборотень. Помню, случай был, когда он в первый раз убежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.